

СКИФСКАЯ ТЕМА В РАБОТАХ Б.Б. ПИОТРОВСКОГО

Б.Б. Пиотровский принадлежал к числу исследователей, обладавших огромной эрудицией и широтой научного кругозора. Будучи крупным специалистом в области египтологии, урартологии и закавказской археологии, он внес в то же время немаловажный вклад и в разработку скифской проблемы. Скифский мир оказался в поле зрения научных интересов Б.Б. Пиотровского главным образом в результате его полевой археологической деятельности. В 1933 и 1936 годах он проводил раскопки курганов и грунтовых могил раннескифской эпохи близ г. Моздок в Северной Осетии¹. Он принимал также активное участие в исследовании древностей Подонья, Туркмения и других регионов Евразии.

Однако подлинное увлечение скифской темой началось с раскопок урартской крепости Тейшебаини на холме Кармир-Блур близ Еревана, успешно осуществлявшихся под руководством Б.Б. Пиотровского в течение 30 лет (1939—1941, 1945—1971 гг.). Обнаруженные там археологические материалы позволили выявить разносторонние связи и контакты урартов не только с местными закавказскими племенами, но также и со скифским миром Закубанья и Приднепровья.

Скифский сюжет нашел отражение как в специальных статьях и докладах Б.Б. Пиотровского, так и в соответствующих главах и разделах его больших монографических исследований, посвященных истории и культуре Закавказья и Ванского царства (Урарту): «Киммерийцы и скифы в Передней Азии»², «Скифы и Закавказье»³, «Скифы в Закавказье»⁴, «Скифы в Передней Азии»⁵, «Скифы и древний Восток»⁶, «Скифы и государство Урарту»⁷, «Скифы и Урарту»⁸ и, наконец, «Скифский мир»⁹ — все эти названия говорят сами за себя. Наиболее ранняя из перечисленных работ датируется 1939 г., а самая поздняя, представляющая собой публикацию доклада, прочитанного в сентябре 1984 г. на заседании Баварской Академии наук в Мюнхене, относится к 1989 г.

Таким образом, не будучи основной, скифская тема, однако, занимала видное место в творчестве Б.Б. Пиотровского. На протяжении полувека он обращался к ней неоднократно, с течением времени все более углубляя ее и обогащая новыми фактами и наблюдениями.

Следует отметить, что Б.Б. Пиотровский стоял по существу у истоков изучения скифской проблематики в Закавказье. Будучи учеником Н.Я. Марра, он справедливо полагал, что решение такой насущной для отечественной археологии задачи, как изучение скифской проблемы, нельзя осуществить с помощью только северопонтийских материалов, необходимо привлекать археологические данные и из других этнокультурных регионов, в том числе и с территории Кавказа.¹⁰

Между тем собственно скифологи долгое время упускали из виду это обстоятельство. И в основополагающем труде М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор»¹¹, и в других обобщающих работах по скифскому вопросу¹² кавказские древности ограничивались только

¹ Материалы этого могильника дали интересное сочетание местной кобанской культуры с элементами раннескифской культуры. Работами в Моздоке было положено начало изучению района, ранее оставшегося не исследованным в археологическом отношении. См. *Пиотровский Б.Б., Иессен А.А.* Моздокский могильник. Л., 1940.

² История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.—Л., 1939. Ч. 1—2. С. 169—173.

³ Тр. ОВГЭ 1940. Т. 3. С. 71—92.

⁴ УЗ ЛГУ. 1949. № 85. Сер. ист. наук. Вып. 13. Археология. С. 172—190.

⁵ История и культура Урарту. Ереван: Изд-во АН АрмССР. 1944. С. 296—324.

⁶ СА. 1954. XIX. С. 141—158; Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 232—256.

⁷ Советская археология в 10-й пятилетке: Всесоюзная конференция. 18—20 апреля 1979 г. Тезисы пленарных докладов. Л., 1979. С. 31—33.

⁸ Второй Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван. 12—18 сент. 1978. Ереван, 1981. С. 132—137; ВДИ. 1989. № 4. С. 3—10.

⁹ Курьер Юнеско. Январь 1977. № 11. С. 102—111.

¹⁰ *Пиотровский.* Скифы в Закавказье... С. 80.

¹¹ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 310—343.

¹² *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 134—140; *Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. 36. С. 14.

памятниками из Закубанья. Перелом наметился лишь в конце 1960-х годов и связан в первую очередь с именем В.А. Ильинской, а также А.И. Тереножкина¹³. Но еще в самом начале того же десятилетия известный кавказовед Е.И. Крупнов писал: «До последнего времени ни... данные древних авторов, ни богатые материалы, свидетельствующие о распространении скифской культуры на гораздо большей территории, чем относящаяся к предполагаемой Скифии Геродота... почти не использовались ни историками, ни археологами. Показания древних письменных источников — ассирийских хроник, библейских текстов — о походах скифских полчищ на ...государства Передней Азии по существу слабо учитывались». Среди немногих исследователей, всегда осуществлявших комплексное изучение источников, Е.И. Крупнов называет в первую очередь Б.Б. Пиотровского¹⁴.

Действительно, максимальное использование археологических данных и разноязычных письменных свидетельств свойственно исследовательскому методу Б.Б. Пиотровского, начиная с первых его шагов в области урартоведения, внутри которого, как уже отмечалось, и наметилась скифская линия.

Особое внимание уделял он в своих работах обзору ассирийских, вавилонских и греческих текстов, содержащих информацию о военных действиях киммерийцев и скифов в Передней Азии. Анализ древневосточных источников приводит его к заключению, что в наиболее ранних из них даются недифференцированные сведения о киммерийцах и скифах, поскольку переднеазиатские народы не видели этнического различия между ними. Нередко на все кочевые племена, сыгравшие важную роль в разгроме Ассирийского царства, распространялся термин «умман-манда»¹⁵.

В поле зрения Б.Б. Пиотровского были, кроме того, вопросы, касающиеся определения времени и маршрутов проникновения разных групп евразийских кочевников в Переднюю Азию. В целом он выделял три этапа кочевнических вторжений: киммерийский в конце VIII в. до н.э., скифский — около середины VII в. до н.э. и, вслед за В.В. Струве, сакский, падающий на VI в. до н.э. По его представлениям, участники скифских переднеазиатских походов использовали в основном дорогу, проходившую вдоль берега Каспия и через Дербентский проход, в результате чего им удалось избежать военного конфликта с Урарту, находившимся западнее этого пути. Вместе с тем он неоднократно подчеркивал, что, судя по археологическим данным, западная и восточная зоны Закавказья были связаны с проникновением сюда разных групп скифов¹⁶, что и подтвердилось при дальнейшем изучении памятников из этого региона¹⁷.

Б.Б. Пиотровского интересовала также проблема локализации «Скифского царства», упоминаемого в ассирийских источниках. С его точки зрения, царская ставка скифов располагалась в приурмийском районе на маннейских землях¹⁸. С присутствием скифов в данном районе Б.Б. Пиотровский связывал так называемый Саккызский клад — погребальный комплекс раннескифской эпохи, раскопанный кладоискателями близ местечка Зивие в Иранском Курдистане¹⁹. Однако, как известно, вопрос о местонахождении древнейшей Скифской державы остается до сих пор остро дискуссионным. Большинство исследователей высказывается в пользу существования политического центра архаических скифов в Юго-Восточном Закавказье в пределах Мильской степи, а ряд скифологов и кавказоведов помещает его на равнинах Северного Кавказа и Прикубанья²⁰.

Преследуя прежде всего задачу наиболее полного раскрытия характера скифо-урартских

¹³ Ильинская В.А. Скифы Днепровского Левобережья. Киев, 1968. С. 64; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 20 сл.

¹⁴ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 13.

¹⁵ Пиотровский. Скифы в Закавказье... С. 71—76; он же. Ванское царство... С. 234—237.

¹⁶ Пиотровский. Ванское царство... С. 244—245.

¹⁷ Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. С. 133—135.

¹⁸ Пиотровский. Ванское царство... С. 255.

¹⁹ Он же. Скифы и древний Восток... С. 151.

²⁰ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 218—220; Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 44—47.

взаимоотношений, Б.Б. Пиотровский своими исследованиями способствовал одновременно и освещению ранних страниц скифской истории.

Исключительно важное значение он придавал поискам археологических реалий, подтверждающих данные письменной традиции о киммерийско-скифской экспансии на Ближний Восток. Одним из первых Б.Б. Пиотровский попытался выделить скифские материалы в памятниках Кавказа²¹ и предложил сводку скифских наконечников стрел, встреченных при раскопках урартских крепостей, а также городов Ашшура, Вавилона, Тарса и других дневно-восточных центров. Наконечники, обнаруженные в развалах оборонительных стен, он приписал вражеским войскам, осаждавшим эти города, — скифам или мидийцам, которые пользовались луком и стрелами скифского типа²².

Именно такая картина открылась на Кармир-Блуре, где во время расчистки фасада урартской крепости были найдены типично скифские наконечники стрел, в ряде случаев имевшие обломанные или загнутые концы, получившиеся от удара о камень. Находившийся здесь город Тейшебаини — последний оплот урартского государства в Закавказье, пал, как полагал Б.Б. Пиотровский, под ударами скифов в начале VI в. до н.э.²³

Заслуживает внимания исторически верная реконструкция обстоятельств гибели Тейшебаини, основанная на глубоком и тщательном изучении археологических остатков. По наблюдению исследователя, «крепость скифы штурмовали не через главные, хорошо укрепленные ворота, а через боковые, находившиеся у берега реки Занги... Штурм был внезапным, ночным... На неожиданность скифского набега и паническое бегство жителей указывает то обстоятельство, что в жилищах были оставлены мечи, кинжалы и другое оружие. В одном из жилищ около очага был обнаружен пучок травы, среди которой оказались также цветы. По комплексу этих цветов... проф. А.Л. Тахтаджян определил время скифского набега первыми числами августа. Это подтверждается и другими материалами. Хлеб был только что убран, но виноград еще не созрел, найдена лишь одна горсть виноградных косточек... При штурме крепости дворец урартского наместника загорелся... Во время пожара по пандусу... взбежали животные, вырвавшиеся из своих стойл... Животные метались по горевшей крыше... и вместе с обвалившимся перекрытием падали вниз. В одной из комнат дворца были найдены костяки лошадей»²⁴. Одна из этих лошадей была верховой и взнуздана по-скифски. От ее оголовья сохранились железные удила, серебряный фалар и четыре бронзовые пронизи для перекрестных ремней, две из которых имели клювовидные завершения. Кроме того, внутри крепости оказались принадлежности еще двух скифских конских уборов: разнообразные пряжки-пронизи (клювовидные, в виде головки барана и др.), железные удила, железные трехпестельчатые псалии, а также костяные с копытцами на концах²⁵.

Если аналогии костяным псалиям ведут нас преимущественно в архаический скифский мир Среднего Приднепровья, то остальные детали кармир-блурских уздечек находят себе ближайшее соответствие в Келермесских курганах и других северокавказских памятниках раннескифской эпохи.

Среди различного рода скифских материалов из Кармир-Блура Б.Б. Пиотровский особо выделял роговую головку грифо-барана, имеющую многочисленные реплики в келермесских древностях²⁶. Эта поделка, носящая следы потертости от длительного употребления, лежала на полу вместе с заготовками из оленьего рога в так называемой «комнате привратника» и служила, по предположению исследователя, моделью для копирования скифского фантастического образа. Эти и другие вещи скифского происхожде-

²¹ Пиотровский История и культура Урарту... С. 307—311.

²² Там же. С. 301—304; он же. Ванское царство... С. 238—239.

²³ Пиотровский. Скифы в Закавказье... С. 178; он же. Ванское царство... С. 116, 241. Полемизируя с И.М. Дьяконовым, считавшим, что крепость разрушили мидийцы, Б.Б. Пиотровский твердо отстаивал свою позицию, ссылаясь на то, что мидийцы в это время были заняты военными действиями на западе Малой Азии.

²⁴ Пиотровский. Скифы в Закавказье... С. 177 сл.

²⁵ Он же. Скифы и древний Восток... С. 143. Рис. 2.

²⁶ Там же. С. 142. Рис. 1.

ния из Кармир-Блур не оставляли сомнения в том, что еще задолго до падения Тейшебаини его обитатели находились в мирных отношениях со скифами.

В рассматриваемом аспекте исключительную научную значимость приобретают исследования Б.Б. Пиотровского, посвященные стилистическому анализу келермесского и мельгуновского акинаков. В противоположность бытовавшим в нашей литературе взглядам об ассиро-вавилонском характере орнаментации этих парадных скифских мечей²⁷ и их возможном иранском происхождении²⁸, Б.Б. Пиотровский убедительно доказал связь этих предметов с урартской изобразительной традицией²⁹, что в свое время не исключала и К.В. Тревер³⁰. К числу специфически урартских элементов он отнес тип священного древа жизни, отдельные орнаментальные мотивы, а также образы фантастических зверей и графическую манеру трактовки их тел. В настоящее время эта атрибуция не вызывает ни у кого сомнений. Приводятся также все новые и новые аргументы в пользу намеченных Б.Б. Пиотровским сюжетно-стилистических соответствий между изображениями на южнорусских мечах, закавказских бронзовых поясах и предметах восточноскифской торевтики из Зивие³¹.

Ввиду чисто механического сочетания на ножжах келермесского и мельгуновского мечей древневосточных мотивов со скифскими (птичьей головки, фигурка лежащего оленя), Б.Б. Пиотровский предположил, что эти своеобразные изделия торевтики либо делались скифами под влиянием образцов урартского искусства, либо изготовлялись для скифской знати в кавказских районах, где урартская культура была еще жива³².

Не останавливаясь на целом ряде беглых замечаний, касающихся культурно-хронологической атрибуции других художественных вещей из Мельгуновского и Келермесских курганов, обратимся к взглядам Б.Б. Пиотровского по поводу возраста этих выдающихся погребальных памятников эпохи скифской архаики. Несмотря на дискуссионность данной проблемы, большинство исследователей до недавнего времени склонны были связывать их со второй четвертью VI в. до н.э. Между тем еще в 1940 г. Б.Б. Пиотровский считал возможным относить погребения с мечами в золотых ножжах к началу VI, а возможно, и концу VII в. до н.э.³³ После публикации материалов из Зивие Б.Б. Пиотровский одним из первых указал на хронологическую сопряженность интересовавших его раннескифских погребений и Сакызского клада, датировавшегося им сначала в пределах рубежа VII—VI вв. до н.э.³⁴, а в дальнейшем концом VII в. до н.э.³⁵ Впоследствии и скифологи согласились с необходимостью удренения возраста Мельгуновского и первого Келермесского курганов до рубежа VII—VI вв. до н.э. Однако эта дата была необоснованно распространена на всю келермесскую группу³⁶, в которой имеются и более архаичные усыпальницы, восходящие к середине — третьей четверти VII в. до н.э.³⁷

Правильное освещение получила в работах Б.Б. Пиотровского и проблема происхождения скифского звериного стиля. Как известно, сторонники концепции переднеазиатских корней этого искусства видят в изделиях сакызской торевтики, сочетающих в себе скифские, урартские и маннейские формы, образцы того стилистического направления, на основе

²⁷ Придик Е. Мельгуновский клад 1763 года. СПб., 1911. С. 20; Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Т. I. Л., 1925. С. 224.

²⁸ Ростовцев. Ук. соч. С. 470.

²⁹ Пиотровский. Скифы в Закавказье... С. 84—88; он же. Ванское царство... С. 248—253; он же. Скифы и Урарту... С. 5—7.

Он же. Скифы и Закавказье... С. 87.

³⁰ Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. Л., 1977. С. 30—33.

³¹ Пиотровский. Ванское царство... С. 252; он же. Скифы и Урарту... С. 7. Хотя сам автор отдавал предпочтение своей первой гипотезе, нам представляется более правомочной вторая версия, поскольку рукояти и ножны этих мечей сделаны с большим мастерством в абсолютно нехарактерной для скифов технике чеканки и металлопластики, имеющих глубокие корни на Ближнем Востоке.

³² Он же. Скифы и Закавказье... С. 85.

³³ Он же. Скифы и древний Восток... С. 156; он же. Ванское царство... С. 255.

³⁴ Он же. Скифы и Урарту... С. 5.

³⁵ Ильинская, Тереножкин. Ук. соч. С. 67.

³⁶ Галанца Л.К. Раннескифские уздечные наборы по материалам Келермесских курганов // АСГЭ. 1983. 24. С. 52 сл.

которого сформировалась художественная концепция скифов. И напротив, Б.Б. Пиотровский с полным основанием усматривает в этих вещах влияние самобытной скифской изобразительной традиции, сложившейся в кочевнической среде Евразии еще до скифской экспансии на Ближний Восток³⁸.

Связи скифской культуры с переднеазиатской шли, по наблюдению Б.Б. Пиотровского, через урартские центры в Закавказье, откуда к кочевникам поступал металл, главным образом железо. «Кавказские горы», как он отмечал, «никогда не были непреодолимой стеной, разгораживающей два различных мира»³⁹.

Как видим, многие животрепещущие аспекты отечественной скифологии отражены в работах Б.Б. Пиотровского. Разумеется, далеко не все идеи и взгляды, высказанные исследователем, воспринимаются однозначно, они имеют как своих сторонников, так и противников. В последнее время, например, поднимается вопрос о более ранней гибели урартских городов и, в частности, Тейшебаини (вторая половина VII в. до н.э.), дискутируются и другие проблемы. Однако крупная роль Б.Б. Пиотровского в изучении памятников искусства раннескифской эпохи и исследовании различных проявлений скифо-урартских отношений несомненна, и к этому ценнейшему его научному наследию скифологи будут обращаться неизменно.

Л.К. Галанина

³⁸ *Пиотровский. Ванское царство... С. 255.*

³⁹ *Он же. История и культура Урарту... С. 311; он же. Ванское царство... С. 248.*

SCYTHIAN SUBJECT IN WORKS BY B.B. PIOTROVSKY

L.K. Galanina

Scythian problems have been dealt with by B.B. Piotrovsky both in special articles and corresponding sections of his big monographs on history and culture of Trans-Caucasia and the state of Urartu. Though not a Scythologist, he, however, was one of the first to tackle Scythian problems in Trans-Caucasia. He was among the first to offer an inventory of the Scythian materials found in the Caucasus and Near East and analyse them in the light of the epigraphic tradition on the Cimmerian-Scythian expansion to the Middle East. Setting himself the main task of studying the character of Scythian-Urartu ties to the fullest extent, the researcher at the same time contributed to the description of the earliest pages of Scythian history and Scythologists will continue to turn to this most valuable scientific heritage.